

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Макиавелли

Государь

«Золотой фонд мировой литературы» - коллекция электронных книг, включающая лучшие образцы мировой художественной литературы, представляет собой максимально исчерпывающий список самых читаемых книг мира.

Каждое из произведений, изданных под обложкой этой серии, входит в один или сразу несколько списков лучших книг по разным версиям, которые не противопоставляются один другим, а гармонично объединяются, чтобы предоставить читателю наибольший выбор.

«Государь» - самый известный трактат итальянского мыслителя Никколо Макиавелли (итал. Niccolò di Bernardo dei Machiavelli; 1469–1527).

В книге детально описаны личность, мировоззрение, стремления и качества, которыми необходимо владеть государю. Подробно описываются методы и способы захвата и удержания тиранической власти. По мнению Макиавелли, ложь, насилие и предательство – основные принципы государственного управления.

Трактат «Государь» внесен католической церковью в список запрещенных книг.

Никколо Макиавелли Государь

*Никколо Макиавелли
Его Светлости Лоренцо Медичи*

Соискатели милостей какого-нибудь государя имеют обыкновение угождать ему подношением самых дорогих своих вещей, а равно и тех, которые, на их взгляд, могут быть ему приятны; поэтому чаще всего государи получают в подарок скакунов, оружие, златотканую парчу, драгоценные ткани и тому подобные украшения, подобающие их званию. И вот я, желая представить Вашей Светлости свидетельство моей глубочайшей преданности, не нашёл среди своего добра ничего более дорогого и полезного, чем разумение деяний великих людей, приобретённое вследствие длительного испытания современных дел и непрерывного изучения древних. Тщательно обдумав и пересмотрев свои мысли, я собрал их в небольшой книжке, которую и посылаю Вашей Светлости.

Хотя я и не считаю этот труд достойным Вашего внимания, [однако] надеюсь, что по своей доброте Вы не отвергнете его, ведь это драгоценнейшее с моей стороны подношение позволит Вам за ничтожное время усвоить всё выношенное мной на протяжении долгих лет среди стольких скорбей и опасностей. Я исключил из своего сочинения риторические ухищрения, громкие и звучные слова, любые другие внешние приманки и украшения, которыми многие уснащают и усовершенствуют свои писания, ибо я желал, чтобы оно привлекало к себе только разносторонностью взгляда и важностью предмета и ничем другим. Не следует считать самонадеянностью притязание человека низкого и даже ничтожного состояния судить и устанавливать правила поведения для государей. Художники, зарисовывающие местность, располагаются внизу на равнине, чтобы присмотреться к характеру гор и возвышенностей, а чтобы обозреть низменности, забираются на вершины. Точно также, чтобы постичь характер народа, необходимо быть государем, а распознать природу государя может только человек из народа.

Итак, пусть Ваша Светлость отнесётся к этому небольшому подарку с тем же чувством, что и я; внимательно прочитав это сочинение, он убедится в моём горячем желании, чтобы Ваша Светлость достиг того величия, которое обещано ему фортуной и его высокими достоинствами. И если с высоты своего положения Ваша Светлость иной раз устремит взгляд вниз, он увидит, сколь мало заслужены мной сыплющиеся на меня тяжкие и непрестанные удары судьбы.

Глава I. Какого рода бывает режим личной власти и какими способами она приобретается

Все государства, все правительства, когда-либо главенствовавшие над людьми, подразделяются на республики и принципаты. Последние бывают либо наследственными, в которых долгое время царила династия их властителей, либо новыми. Новые принципаты могут быть таковыми в целом, как Милан при Франческо Сфорца, либо могут быть присоединены к наследственным владениям приобретшего их государя, как королевство Неаполитанское, завоёванное испанским королём. Эти новообретённые территории либо уже приучены подчиняться единоличному правителю, либо до этого пользовались свободой; присоединяют же их либо силой собственного оружия, либо с чужой помощью, либо волею судьбы, либо благодаря своей доблести.

Глава II. О наследственных принципатах

Я оставлю в стороне размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте. Обращусь единственно к принципату и, следуя вышеизложенному плану, рассмотрю, каким образом можно поддерживать и сохранять единоличную власть.

Прежде всего скажу, что наследственные владения, привычные к государям, происходящим из одного рода, гораздо легче удержать, чем новые, ибо достаточно не нарушать обычаев своих предшественников и следовать за ходом событий. Государь средних способностей в этом случае всегда сохранит свой трон, если только он не лишится его из-за вмешательства некоторой чрезвычайной и неодолимой силы, но и после этого он сможет вернуть себе власть, едва только захватчик столкнётся с малейшими трудностями.

У нас в Италии, *in exemplis*, герцог Феррарский сумел противостоять нападкам венецианцев в 84 году, а также папы Юлия в 10-м только благодаря тому, что его семейство давно укоренилось в своих владениях. У природного государя меньше причин и меньше поводов для нанесения обид, поэтому его больше любят, и если бросающиеся в глаза пороки не навлекают на него ненависти, то он пользуется естественным

расположением подданных. В древности и непрерывности властвования гаснут все помыслы и поползновения к новшествам, ведь один переворот всегда оставляет зацепку для совершения другого.

Глава III. О смешанных принципатах

Новый государь, напротив, сталкивается с трудностями. Прежде всего, если он присоединил новые владения к старым и тем самым образовал некое смешение, его положению угрожает первый естественный недостаток, присущий всем новым государствам и заключающийся в том, что люди охотно меняют правителей в надежде на лучшее, а потому часто восстают против них, но затем убеждаются на опыте, что они обманулись и стало ещё хуже. А это вытекает из другой естественной и обыкновенной потребности, заставляющей нового государя притеснять своих подданных вооружённой рукой и другими способами, как это делают завоеватели, так что твоими врагами становятся не только противники твоего воцарения, но и с его сторонниками ты не можешь сохранить дружбу, ибо не сможешь ни оправдать их ожидания, ни прибегнуть против них к сильнодействующим лекарствам, будучи им обязанным. Ведь для вторжения в чужую страну даже располагающий сильным войском государь должен обеспечить себе содействие её жителей. Вот почему Людовик XII Французский легко захватил Милан и тотчас же его лишился, для чего на первый раз хватило собственных сил Лодовико. Те же горожане, что открыли ворота перед королём, разочаровавшись в своих надеждах на будущие блага, которых они ожидали, не могли вынести неудобств нового правления.

Правда и то, что, покорив мятежные области вторично, труднее потерять их, потому что под предлогом подавления мятежа правитель может укреплять свою власть с меньшей оглядкой, наказывая провинившихся, выявляя неблагонадёжных и защищая наиболее уязвимые места. Так что если в первый раз достаточно было герцогу Лодовико устроить на границе небольшой переполох, и Франция лишилась Милана, то на второй весь мир должен был объединиться против неё и разгромить или изгнать её войска из Италии; и всё это объясняется вышеназванными причинами. Тем не менее оба раза Франция лишилась своего приобретения. Общие причины, почему это произошло в первый раз, мы уже обсудили. Остаётся сказать о втором случае и рассмотреть те средства, которыми располагал французский король и всякий, кто находился бы на его месте, чтобы закрепить за собой завоёванное. Скажем, что завоёванные области, присоединяемые к прежним владениям завоевателя, либо составляют с ними одну страну и их население пользуется тем же языком, либо нет. В первом случае их совсем нетрудно удержать, особенно если они не привыкли к свободной жизни. Чтобы обезопасить себя, достаточно пресечь род правивших там государей, ибо других поводов для волнений, в силу общности обычаев и сохранения прежнего образа жизни, у населения не будет. Это можно было наблюдать на примере Бургундии, Бретани, Гаскони и Нормандии, которые с давних пор входят в состав Франции, и хотя язык их жителей несколько отличается, тем не менее они ладят с другими французами, придерживаясь сходных с ними обычаев. Желая сохранить за собой подобные области, завоеватель должен соблюдать два условия: во-первых, чтобы пресеклась династия их государей; во-вторых, оставить неизменными их законы и подати; тогда вскоре эти области составят единое целое с твоими прежними владениями.

Но когда приобретают территории в стране, чужеродной по языку, обычаям и учреждениям, вот тут начинаются трудности, и чтобы не потерять их, потребуются великая удача и великое умение. Одно из самых лучших и действенных средств в этом случае состоит в том, чтобы завладевшее ими лицо само переселилось в этот край. Это придаст завоеванию надёжность и долговечность; так поступил турецкий султан с Грецией. Не перенеси он туда своё местопребывание, ему бы там ни за что не удержаться, невзирая на все остальные меры, принятые им для сохранения этого государства. Находясь на месте, ты можешь распознавать будущие беспорядки ещё в зародыше и легко справляться с ними; в противном случае известие о них доходит, лишь когда они уже в разгаре и поздно что-либо делать. Кроме того, ты не оставляешь страну на разграбление своим чиновникам; для подданных облегчается прямой доступ к государю, отчего у добропорядочных граждан бывает больше оснований для расположения к нему, а у бунтовщиков — для опасений. Внешний враг хорошенько подумает, прежде чем напасть на эти владения. Таким образом, у переселившегося туда государя будет очень трудно отнять их.

Другое отличное средство состоит в том, чтобы основать одну-две колонии, которые прикрепил бы эту местность к новому государству. В противном случае потребуется держать там множество солдат, и пеших и конных. Колонии обходятся недорого; выслать и содержать колонистов государю не стоит почти ничего, ведь при этом внакладе остаются только те жители, у которых отбирают их дома и надель в пользу переселенцев, а эти жители составляют небольшую часть новых подданных, и они не могут причинить вреда государю вследствие своей нищеты и разобщённости. Все же прочие, с одной стороны, не будучи ущемлёнными, лишены повода для беспокойства, а с другой — они будут осторожны, наученные чужим примером и опасаясь, как бы с ними не поступили так же. Я заключаю, что колонии не требуют затрат, они более

надёжны и вызывают меньшее недовольство. Недовольные же безвредны, будучи, как я уже сказал, разобщены и бедны. По этому поводу следует заметить, что людей должно либо миловать, либо казнить, ведь небольшие обиды будут всегда взывать к отмщению, а за тяжкие люди отомстить не в силах. Так что, нанося обиду, следует устранить возможность мести. Но если вместо колонии используется вооружённый гарнизон, он требует куда больших расходов, и в конце концов для охраны новых владений потребуются все средства государства. Приобретение, таким образом, обернётся уроном. К тому же расквартирование войска в разных местах приносит куда больше вреда и ущемляет всё население, всякий страдает от этого неудобства и становится врагом нового государя, притом врагом опасным, который после поражения остаётся в собственном доме. Итак, с любой точки зрения такой способ защиты новых владений настолько же невыгоден, насколько выгодно основание колоний.

Тот, кто находится в чужеродной, как было описано выше, провинции, должен ещё взять под своё покровительство её мелких соседей, стараясь ослабить наиболее влиятельных, и остерегаться, чтобы не возник повод к вмешательству в дела этой области другого властителя, столь же могущественного, как и он сам. А повод, чтобы воспользоваться недовольством чрезмерно честолюбивых или напуганных обитателей, всегда появится, как можно судить по призыванию римлян в Грецию этолийцами — вообще во все завоёванные ими провинции римлян приглашали местные жители. Как только чужеземный завоеватель вторгается в какую-либо страну, все мелкие властители примыкают к нему, и это в порядке вещей, ибо ими движет ненависть к прежнему поработителю, так что завоевателю нечего беспокоиться о том, как привлечь этих людей на свою сторону; все они тут же присоединяются к его новым владениям. Он должен только следить, чтобы они не обзавелись слишком большими силами и влиянием. Его собственных сил и расположения сторонников вполне достаточно, дабы справиться с соперниками и полностью овладеть новой провинцией. Но тот, кто не примет подобных мер, вскоре лишится завоёванного, а до того погрузится в неисчислимые труды и заботы.

Римляне неукоснительно соблюдали эти правила в завоёванных ими провинциях: они основывали колонии, привлекали к себе менее влиятельных лиц, ни в чём им не потворствуя, и ослабляли более влиятельных; для чужеземных властителей они не оставляли ни малейшей лазейки. Ограничусь только примером Греции. Ахейцев и этолийцев римляне привлекли на свою сторону; Македонское царство было принижено, и оттуда был изгнан Антиох. Однако заслуги ахейцев и этолийцев не послужили основанием, чтобы позволить им расширить свои владения; никакие заверения Филиппа в дружбе не помешали римлянам ослабить его, а могущество Антиоха не заставило их признать его право на владение какой бы то ни было территорией в Греции. Римляне в этих случаях поступали так, как надлежит поступать всем разумным государям: они помышляли не только о нынешних, но и о будущих заботах и искали пути, как с ними справиться. Ведь предвидя их заранее, легко найти выход, а когда беда приблизилась, болезнь становится неизлечимой, и лекарство уже не ко времени. Получается так, как врачи говорят о чахотке, что вначале её легко вылечить, но трудно распознать, а по прошествии времени, если с самого начала она была запущена, болезнь становится очевидной, но трудноизлечимой. То же и в государственных делах: зная заранее (что бывает дано только мудрым людям) о грозящих несчастьях, можно их предупредить, но если этого не случилось и угроза стала очевидной для каждого, тут уже ничем не поможешь.

Римляне, чуя приближение беды издалека, всегда принимали нужные меры и ради этого не боялись даже вступить в войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, а можно только оттянуть её к выгоде других. Они предпочли воевать с Филиппом и Антиохом в Греции, чтобы не сражаться с ними потом в Италии; в своё время они могли избежать обеих войн, но не захотели этого. Они никогда не придерживались того правила, которое вечно на устах мудрецов нашего времени: «Воспользоваться преимуществами выжидания». Преимущество римлян заключалось только в собственных доблести и благоразумии, ведь время несёт с собой всяческие перемены, при которых добро оборачивается злом, а зло — добром.

Но вернёмся к Франции и посмотрим, прибегла ли она к какому-нибудь из вышеописанных способов. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике, потому что он дольше удержался в Италии и предпринятые им шаги заметны гораздо отчётливее. Вы можете убедиться, что он поступал всё время наперекор тому, что следовало бы делать для закрепления своих владений в иноязычной стране.

Король Людовик оказался в Италии благодаря притязаниям венецианцев, которые намеревались воспользоваться его приходом, чтобы овладеть половиной Ломбардии. Не стану упрекать короля за этот поступок: желая закрепиться в Италии, он не располагал союзниками внутри страны, и все двери были закрыты перед ним из-за воспоминаний о его предшественнике Карле, поэтому выбирать друзей было не время. Людовик добился бы своей цели, если бы не допустил никаких других ошибок. Заняв Ломбардию, король вернул бы французам уважение, утраченное при Карле; Генуя уступила, флорентийцы заключили с ним союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, Бентивольи, хозяйка Форли, правители Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино, жители Лукки, Пизы, Сиены — все искали его дружбы. Тогда-то венецианцы осознали всю безрассудность своего поступка: взамен пары местечек в Ломбардии они сделали короля

властелином двух третей Италии.

Судите теперь, сколь нетрудно было королю утвердиться в Италии, если бы он соблюдал вышеописанные правила, поддерживая и защищая своих многочисленных и слабых сторонников, находившихся в страхе — кто перед Церковью, кто перед венецианцами — и вынужденных следовать за ним. С их помощью Людовик легко обезопасил бы себя от более могущественных соперников. Но едва он очутился в Милане, как поступил наоборот, оказав папе Александру содействие в захвате Романьи. При этом король даже не заметил, что, отталкивая от себя доверившихся ему сторонников и друзей, он ослабляет своё влияние и усиливает Церковь, прибавляя к её огромной духовной власти ещё и светскую. За этой первой ошибкой неизбежно последовали и другие. В конце концов, чтобы обуздать властолюбие Александра и помешать ему завладеть Тосканой, король был вынужден вступить на территорию Италии. Мало того, что он возвысил Церковь и лишил себя союзников; с вожделием взирая на Неаполитанское королевство, он разделил его с королём Испании, и если до этого судьбы Италии были в его руках, то теперь он обзавёлся сотоварищем, дабы у всех честолюбцев и недовольных в этой стране был покровитель. При этом Людовик удалил из королевства того, кто мог бы платить ему дань, заменив его правителем, угрожавшим изгнать его самого. Разумеется, желание приобретать — вещь вполне обычная и естественная, и когда люди стремятся к этому в меру своих сил, их будут хвалить, а не осуждать, но когда они не могут и всё же добиваются приобретений любой ценой, то в этом заключается ошибка, достойная порицания. Если силы Франции позволяли ей обрушиться на Неаполь, так и следовало поступить, если же не позволяли, не следовало ни с кем делить его. Подобная сделка с венецианцами в Ломбардии заслуживала оправдания, потому что позволила французам закрепиться в Италии; в случае с Неаполем она подлежит осуждению, ибо не была вызвана сходной необходимостью.

Таким образом, Людовик допустил пять ошибок: он вывел из игры более слабых правителей; усилил одно из могущественнейших лиц в Италии; допустил туда чужеземного властелина; не перенёс туда своей резиденции и не основал там колоний. Но все эти ошибки, пока он был жив, могли и не причинить большого вреда, если бы он не сделал шестую, отобрав владения у венецианцев. Не допусти он возвышения Церкви и не призови в Италию испанцев, ослабить их было бы действительно разумно и необходимо, но после допущенных просчётов не следовало соглашаться на расправу с венецианцами. Пока они оставались в силе, никто не отважился бы посягнуть на ломбардские земли: венецианцы никогда не согласились бы на это, потому что сами пожелали бы претендовать на французскую долю, а все остальные ни за что не захотели бы отнять её у Франции и отдать венецианцам. Выступить же против двоих хозяев Ломбардии никто бы не посмел. А если кто-то возразит, что Людовик уступил Романью Александру и Неаполитанское королевство — Испании, чтобы избежать войны, то я сошлюсь на вышеприведённые доводы: война всё равно начнётся, но промедление обернётся против тебя. Если же напомним, что король пообещал папе выступить ради него в поход в обмен на свой развод и кардинальскую шапку для архиепископа Руанского, то я отвечу тем, что будет сказано мною ниже относительно обещаний, даваемых государями, и о том, как их следует выполнять.

Итак, король Людовик лишился Ломбардии потому, что не соблюдал правил, которых придерживались все завоеватели, желавшие удержать покорённые страны. Так что здесь нет ничего удивительного — всё естественно и легко объяснимо. Об этом предмете я беседовал с кардиналом Руанским в Нанте, когда герцог Валентино, как в народе называли сына папы Александра Чезаре Борджиа, захватил Романью. Кардинал заявил мне, что итальянцы несведущи в военных делах, на что я ему ответил, что французы ничего не смыслят в делах государственных, ибо в противном случае они не допустили бы подобного возвышения Церкви. Опыт показал, что Франция способствовала росту влияния в Италии Церкви и Испании, и это привело к её собственному краху. Отсюда можно извлечь общее правило, почти непреложное: кто делает другого могущественным, тот погибает, ведь наделять могуществом можно с помощью либо силы, либо умения плести интриги, а оба этих качества вызывают подозрение у ставших могущественными людей.

Глава IV. По какой причине в царстве Дария, захваченном Александром, после смерти последнего не вспыхнул мятеж против его преемников

Узнав о трудностях, связанных с удержанием новых владений, кто-то может задать вопрос, почему не вспыхнуло восстание в Азии, которой Александр Великий овладел за несколько лет и вскоре после этого умер. Следовало ожидать крушения его государства, однако преемники Александра удержались у власти, и единственным препятствием, которое встретилось им при этом, были раздоры между ними, вызванные их собственным властолюбием. На это я отвечу, что все известные доныне принципаты бывали управляемы одним из двух способов: либо в них был один государь, а все прочие — подневольные слуги, содействующие ему в управлении по его милости и соизволению, либо государь правил вместе с баронами, которые обладали своим саном не по прихоти властителя, но благодаря древности происхождения. У этих баронов есть собственные владения и подданные, признающие их господами и питающие к ним естественную

привязанность. Государство, управляемое монархом через его слуг, даёт правителю больше власти, ибо в такой стране верховным владыкой признают только его, а прочим должностным лицам подчиняются, как государевым чиновникам, к которым никто не питает особенной любви.

В наше время примеры двух разных способов управления являют французский король и турецкий султан. Вся турецкая монархия подчиняется одному господину, все остальные — его рабы, всё царство разделено на санджаки, куда султан назначает управляющих и заменяет их, когда и как он того пожелает. Французский же король исстари окружён множеством господ, которые пользуются властью над своими подданными и их любовью; у них есть свои привилегии, на которые королю посягать небезопасно. Если сравнить эти два государства, то можно убедиться, что завоевать владения султана трудно, но, одержав победу, их легко сохранить за собой.

Трудности овладения державой султана заключаются в том, что завоеватель не может быть призван туда местными князьями и не может рассчитывать на то, что его предприятие будет облегчено мятежом султанского окружения, как вытекает из вышеназванных причин. Рабов, которые всем обязаны султану, не так-то легко подкупить, а если и удастся, то от этого следует ожидать мало пользы, ведь они, по вышеупомянутым соображениям, не смогут увлечь за собой народ. Поэтому нападающий на султана должен готовиться к встрече со сплочённым врагом и рассчитывать больше на собственные силы, чем на раздоры в стане противника. Но если турок потерпит поражение в битве, такое, что он не сможет оправиться и набрать новое войско, то угрозу следует видеть только в выходцах из правящей династии, расправившись с которыми можно никого больше не бояться, ибо все остальные не пользуются влиянием в народе, и как раньше завоеватель не мог на них рассчитывать, так и теперь ему не нужно их бояться.

Противоположным образом дело обстоит в королевствах, управляемых подобно Франции: туда нетрудно внедриться, сговорившись с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда много недовольных и охотников до перемен. По этим причинам они расчищают перед тобой путь в свою страну и облегчат твою победу, но, желая удержать завоёванное, ты столкнёшься с бесчисленными трудностями, вызванными как помогавшими, так и противостоящими тебе баронами. Тут уже недостаточно будет истребить семью государя, а придётся иметь дело с этими сеньорами, которые возглавят новые мятежи. Их невозможно ни удовлетворить, ни уничтожить, поэтому при первом удобном для них случае ты лишишься власти.

Итак, если вы рассмотрите природу Дариева царства, то вы найдёте в нём сходство с турецкой монархией; вот почему Александру необходимо было целиком всколыхнуть его и разбить Дария в сражении, но после победы и смерти царя Александр мог не опасаться за свою власть по вышеизложенным причинам. И если бы его преемники не ссорились между собой, они безмятежно могли бы наслаждаться властью, ведь в этом царстве не было никаких беспорядков, кроме вызванных их собственными распрями. Но управление государствами, устроенными подобно Франции, влечёт за собой куда больше забот. Этим и были вызваны частые восстания против римлян в Испании, во Франции и в Греции: многочисленностью княжеств, на которые были разделены эти страны. Пока память о них была свежа, господство римлян не отличалось прочностью, но когда эта память развеялась благодаря могуществу и долговечности власти римлян, их владычеству уже ничто не угрожало. И даже когда римляне стали воевать друг с другом, каждого из противников поддерживала та часть названных провинций, где он располагал властью. Династии прежней знати угасли, и жители признавали правителями только римлян. После всего вышеизложенного никто не удивится той лёгкости, с которой Александр удерживал за собой государство в Азии, и тем трудностям, с которыми столкнулись Пирр и многие другие, желая удержать завоёванное. Это было вызвано не наличием или отсутствием доблести у завоевателей, а различиями завоёванных стран.

Глава V. Каким образом следует управлять городами или принципатами, которые до завоевания жили по своим законам

Когда новоприобретённые государства, как мы сказали, привыкли жить свободно и подчиняться собственным законам, удержать их можно тремя способами: первый — разорить их; второй — самому там поселиться; третий — оставить там прежние законы, получая оттуда определённый доход и назначив там правительство из немногих лиц, которые сохраняли бы преданность тебе. Получив власть из рук нового государя, они осознают, что смогут сохранить её только благодаря его расположению и мощи, и будут всячески стараться упрочить его господство. Самый лучший способ удержать город, привыкший к вольности, если ты хочешь сохранить его в целостности, это использовать его собственных граждан.

In exemplis спартанцы и римляне. Спартанцы удерживали за собой Афины и Фивы, поставив там у власти немногих лиц, *tamen* они снова лишились этих городов. Римляне разрушили Капую, Карфаген и Нуманцию, чтобы сохранить их, и их замысел удался. Желая удержать Грецию, они пошли по стопам спартанцев, оставив там свободу и сохранив её законы, но потерпели неудачу и были вынуждены разорить многие города этой страны, чтобы утвердиться в ней. Ведь на самом деле верный способ овладеть какой-либо

провинцией — это разорить её. Тот, кому достаётся город, привыкший к свободной жизни, и он не разваливает его до основания, — тот будет сам погребён его жителями, которые всегда смогут прибегнуть к восстанию, провозгласить свободу и возврат к прежним обычаям, память о коих не стирают ни бег времени, ни полученные благодеяния. И что тут ни делай и ни придумывай, — если жители не были разъединены и рассеяны, — они не забывают прежней вольности и прежних порядков, которые при каждом подходящем случае превозносятся вновь; так было в Пизе через 100 лет после её покорения флорентийцами. Но если города или провинции привыкли подчиняться одному государю, род которого пресёкся, они не сумеют избрать нового правителя из своей среды, утратив прежнего, и жить на свободе, имея навык к повиновению. Поэтому им труднее будет взяться за оружие, а завоевателю легче привлечь их к себе и обезопасить себя от мятежа. В республиках же больше воли к жизни, глубже ненависть и сильнее желание отомстить; память о старинной вольности не ослабевает и не даёт им покоя, поэтому надёжнее всего уничтожить их или туда переселиться.

Глава VI. О новой власти, приобретаемой с помощью собственного оружия и доблести

Пусть никого не удивляет, что, говоря о принципах, получающих нового государя и новое устройство, я буду ссылаться на великие примеры, ведь люди всё время идут по путям, проложенным другими, и подражают им в своих поступках, но не могут целиком следовать чужим путём и достичь той же доблести, что и образцы, поэтому разумный человек должен всё время шествовать по тропинкам, протоптанным великими людьми, и подражать выдающимся, чтобы в отсутствие равной доблести сохранялось хотя бы её подобие. Так поступают опытные лучники: зная удалённость места, в которое они целятся, и дальноточность лука, они выбирают цель гораздо выше мишени, но не для того, чтобы пустить стрелу на такую высоту, а для того, чтобы, прицелившись столь высоко, достичь желаемого. Итак, я скажу, что новому государю бывает легче или труднее удержать власть в зависимости от того, большей или меньшей доблестью располагает завладевший ею. Сам переход от положения частного лица к сану государя предполагает содействие доблести или фортуны, и наличие каждого из этих двух условий отчасти уменьшает встречающиеся трудности. Тем не менее тот, кто меньше полагается на фортуны, находится в большей безопасности. Дело также упрощается, когда государь бывает вынужден из-за отсутствия других владений *personaliter* поселиться в новых. Переходя теперь к тем лицам, которые стали государями благодаря своей доблести, а не фортуны, я назову среди самых выдающихся Моисея, Кира, Ромула, Тезея и им подобных. Хотя о Моисее не следовало бы рассуждать, ибо он был простым исполнителем предначертаний Бога, *tamen* восхищения в нём заслуживает уже *solum* та благодать, которая удостоила его бесед с Богом. Но если мы обратимся к Киру и другим основателям и завоевателям царств, то увидим, что все их деяния были удивительными, и если рассмотреть их отдельные поступки, они не будут расходиться с поступками Моисея, у которого был столь высокий наставник. Вникая в их жизнь и дела, мы замечаем, что фортуна предоставила им только случай, поставивший их лицом к лицу с материей, которой они могли придать любую форму по своему усмотрению; не представься случай, доблесть духа этих людей угадала бы в безвестности, но не будь этой доблести, случай представился бы напрасно. Следовательно, Моисей должен был найти народ Израиля в Египте поработённым и угнетённым египтянами, чтобы он был готов пойти за ним ради освобождения из рабства. Ромулу надо было прийти не ко двору в Альбе и быть брошенным на произвол судьбы после рождения, чтобы он стал царём Рима и основателем Римского отечества. Киру необходимо было застать среди персов недовольство властью мидян, а мидян слабыми и изнеженными вследствие долговременного мира. Тезею не пришлось бы проявить свою доблесть, если бы он нашёл Афины сплочёнными. Случайные стечения обстоятельств оказались для этих людей счастливыми, а их необыкновенная доблесть помогла им воспользоваться случаем, что привело их отчизну к славе и процветанию.

Тот, кто становится государем доблестным путём, наподобие вышеназванных лиц, тому власть достаётся трудно, но удержать её легко, а трудности приобретения власти возникают отчасти из-за новых порядков и установлений, которые правители вынуждены вводить для упрочения нового устройства и собственной безопасности. Следует заметить, что нет начинания, которое так же трудно задумать, с успехом провести в жизнь и безопасно осуществить, как стать во главе государственного переустройства. Враги преобразователя — все те, кто благоденствовал при прежнем режиме; а те, кому нововведения могут пойти на пользу, защищают его довольно прохладно. Это отсутствие пыла связано отчасти со страхом перед противниками, на стороне которых закон, отчасти с недоверчивостью людей, которые не верят в новшества, пока они не подкреплены опытом. Поэтому всякий раз, как противники располагают возможностью для нападения, они её рьяно используют, защитники же рвения не проявляют, так что новые порядки оказываются под угрозой. Желая хорошенько вникнуть в этот предмет, следует разобрать, являются ли эти преобразователи самостоятельными или зависят от других, то есть должны ли они для достижения своих

целей просить о помощи или могут прибегать к силе. В первом случае будущее им ничего не сулит, и они ничего не добиваются, но если они зависят только от себя и могут принуждать других, тогда в большинстве случаев им ничего не угрожает. Вот почему все вооружённые пророки победили, а все безоружные погибли, ведь помимо всего прочего, народ обладает изменчивой природой, его легко в чём-либо убедить, но трудно удержать в этом убеждении. Поэтому нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру. Моисей, Кир, Тезей и Ромул недолго могли бы поддерживать соблюдение своих законов, если бы были безоружными, как показывает происшедшее в наше время с братом Джироламо Савонаролой, который потерпел крах со своими новыми порядками, как только масса перестала ему верить, а он не мог удержать тех, кто поверил ему раньше, и заставить поверить сомневающимся. Итак, подобные деятели сталкиваются со множеством трудностей, и все опасности, встречающиеся им на пути, они должны преодолевать своей доблестью. Но пройдя через опасности и завоевав уважение, расправившись с теми, кто должен испытывать к ним зависть, они пребывают в могуществе, почёте, безопасности и довольстве.

К столь возвышенным примерам я хочу добавить один менее значительный, но он чем-то им сродни, и я ограничусь только им; речь идёт о Гиероне Сиракузском. Из частного лица он стал правителем Сиракуз, и при этом фортуна предоставила ему только подходящий случай, ибо жители города, будучи угнетёнными, избрали его своим предводителем, а он уже заслужил звание государя. Его доблесть была такова, *etiam* в частной жизни, что пишущий о нём говорит: «*Quod nihil illi deerat ad regnandum praeter regnum*». Гиерон распустил прежнее ополчение и создал новое; он расторг старые союзы и вступил в новые и, когда обзавёлся своими собственными солдатами и союзниками, на этом фундаменте мог соорудить любую постройку. Таким образом, ему было тяжело приобрести, но легко удержать.

Глава VII. О новых принципатах, приобретаемых благодаря чужому оружию и счастью

Те частные лица, которые стали государями только благодаря везению, достигают этого без труда, но с трудом удерживают власть. На своём пути они не встречают преград, как бы взлетая ввысь; осложнения же начинаются, когда цель достигнута. Это бывает в случаях, если кто-то приобретает власть за деньги или по милости дарителя. Так, Дарий насадил в Греции, в городах Ионии и Геллеспонта, многих государей ради своей славы и безопасности. Таким же образом были избраны императорами частные лица, которые получили свою власть, подкупив солдат. Подобные государи попросту зависят от прихотей и везения своих благодетелей, а эти вещи весьма переменчивы и непостоянны; сохранить свою власть такие люди не могут и не умеют — не умеют, потому что частное лицо, если оно не выделяется особым умом и доблестью, вряд ли научится повелевать, а не могут, потому что за ними не стоят надёжные и преданные им силы. Затем, новоиспечённые государства, как и все другие скороспелые порождения природы, не располагают корнями и разветвлениями, которые спасли бы их от первой непогоды, — если только лица, неожиданно сделавшиеся государями, как мы уже сказали, не обладают такой доблестью, которая позволила бы им сохранить полученное по милости фортуны и построить для этого тот фундамент, на который другие опираются ещё до прихода к власти.

Относительно обоих способов становиться государем, благодаря собственной доблести и по милости фортуны, я хочу привести в пример двух лиц, правивших на нашей памяти: это Франческо Сфорца и Чезаре Борджиа. Франческо из частного лица сделался герцогом Миланским, употребляя должные средства и пользуясь своей великой доблестью; приобретённое бесчисленными трудами он с лёгкостью сохранил за собой. В свою очередь, Чезаре Борджиа, которого в народе звали герцогом Валентино, получил власть вместе с возвышением своего отца и, когда фортуна от того отвернулась, потерял её, невзирая на все его старания и усилия — как подобает благоразумному и доблестному правителю — пустить корни в тех владениях, которые достались ему благодаря оружию и везению других. Ибо, как мы уже говорили выше, кто не заложит фундамент вначале, располагая великой доблестью, может построить его потом, хотя бы это и шло вразрез с замыслом архитектора и угрожало целостности самого здания. И если рассмотреть все шаги герцога, можно заметить, что он заложил хороший фундамент для будущего могущества. Я считаю нелишним обсудить это, потому что не могу дать лучших предписаний новому государю, чем следовать примеру герцога, и если его поступки не принесли ему пользы, то винить его не в чем, ибо он пострадал из-за чрезвычайной и необыкновенной враждебности фортуны.

Перед папой Александром VI, который замыслил возвысить герцога, своего сына, встало множество действительных и ожидаемых препятствий. Во-первых, папа мог его поставить только во главе государства, выкроенного из церковных владений, а посягать на них он опасался, зная, что герцог Миланский и венецианцы будут против этого, ведь Фаэнца и Римини уже находились под покровительством венецианцев. Кроме того, вооружённой силой, в особенности той, на которую можно было бы опереться, располагали в Италии те, кто должен был опасаться усиления папы. Это были семейства Орсини, Колонна и их сторонники,